

Для Чисы

Невозможно полностью отгородиться от себе подобных. Чтобы жить в пустыне, нужно быть святым.

Джозеф Конрад
«На взгляд Запада»¹

---

¹ Перевод А. Антипенко. — *Здесь и далее прим. пер.*

Историческая справка

21 июня 1974 года судья Федерального суда округа Массачусетс Уэнделл Артур Гэррити-младший в деле «Морган против Хеннигана» постановил, что Школьный комитет Бостона «систематически ущемлял права темнокожих учащихся государственных общеобразовательных школ». Единственным выходом из ситуации была десегрегация посредством смешения школьников, для чего их предлагалось возить на автобусах в соседние районы — такая схема получила название «басинг»¹.

Было решено, что обмен учащимися произведут средняя школа Роксбери, населенного преимущественно афроамериканцами, и средняя школа Южного Бостона, населенного преимущественно белыми европейцами. Постановление вступало в силу с началом нового учебного года — 12 сентября, то есть менее чем через девяносто дней с момента подписания. За это время школьникам и их родителям предстояло подготовиться к новым реалиям.

То лето в Бостоне выдалось очень жарким и сухим.

---

¹ От *англ.* bus — автобус.

1

Ночью вырубилось электричество, и рассвет жители района встречают в духоте. В квартире семейства Феннеси перестал крутиться оконный вентилятор, а холодильник покрылся испариной. Проснувшись, Мэри Пэт заглядывает в спальню к дочке: Джулз лежит поверх одеяла и, приоткрыв рот, тихонько сопит в мокрую от пота подушку. Мэри Пэт идет на кухню и закуривает сигарету — первую за сегодня. Выдыхая дым в окно над раковиной, она чувствует, как уже пышет жаром кирпичная кладка.

Что кофеварка не работает, Мэри Пэт понимает, только попытавшись ее включить. Можно было бы приготовить кофе на плите, но газовая компания, устав от вечных «завтраков», на прошлой неделе перекрыла газ за неуплату. Мэри Пэт взяла подработку на обувной фабрике, и там ей нужно отпахать еще три дополнительные смены, а потом дойти до офиса поставщика, закрыть долг и написать заявление. Только тогда можно будет снова жарить курицу в духовке и кипятить воду.

Оттащив в гостиную мусорное ведро, она сгребает туда пивные банки и вытряхивает пепельни-

цы с журнального столика, с тумбочки возле дивана и еще одну — с телевизора. В темном экране она видит свое отражение: спутанные невымытые волосы, дряблый подбородок, майка и шорты — ничего общего с образом, застывшим в голове. А еще — даже в сером стекле — видны венозные узоры на икрах. Как? Откуда? Ей ведь всего сорок два!.. Ну да, в двенадцать кажется, что быть сорокалетним — это стоять одной ногой у Бога в приемной, но на самом деле нет никакой разницы, двенадцать тебе, двадцать один или тридцать три. Мэри Пэт чувствует себя на все эти возрасты сразу, но не стареет, нет. Только не сердцем. Только не душой.

Уставясь на двойника в кинескопе, она убирает со лба прилипшие волоски, и тут раздается звонок в дверь.

После серии грабежей и нападений на людей в их собственных квартирах два года назад, летом семьдесят второго, Жилищное управление Бостона наконец раскошело на дверные глазки. Выглянув в мятно-зеленый коридор, Мэри Пэт видит Брайана Ши с охачкой каких-то палок в руках. Как почти все парни Марти Батлера, Брайан выглядит строже священника. В их шайке не допускается никаких длинных волос и бандитских усов, никаких бакенбард, брюк клеш и туфель на каблуках. И уж тем более никаких веселеньких узоров вроде «огурцов» или тай-дай¹. Брайан Ши

---

¹ Тай-дай (от *англ.* tie-dye — «завяжи и покрась») — стиль покраски одежды, популярный на рубеже 60–70-х гг. XX в., когда ткань скручивают и пропитывают краской, в результате чего получается узор.

одет по моде прошлого десятилетия: белая футболка под темно-синим «харрингтоном»¹. (Вообще, «харрингтоны» — темно-синие, бежевые, иногда коричневые — фирменная черта парней Батлера. Эти куртки они носят даже в такую жару, как сегодня, когда столбик термометра уже с утра в районе восьмидесяти по Фаренгейту, и только зимой меняют на пальто или укороченные кожанки на меховой подкладке. А с наступлением весны члены шайки, все в один день, вновь достают из шкафов неизменные «харрингтоны».) Щеки у Брайана гладко выбриты, светлые волосы подстрижены под бокс, на ногах — сероватые чиносы и все в царапинах черные полусапоги с «молниями» по бокам. Глаза цвета средства для мытья окон смотрят слегка надменно, будто Брайану известны потаенные секреты собеседника и он находит их забавными.

— Как дела, Мэри Пэт? — здоровается Ши.

Она мысленно представляет, как выглядит со стороны: волосы похожи на слипшиеся макароны, лицо покрывают грязные разводы...

— Привет, Брайан. Света нет.

— Марти уже сделал пару звонков, так что все решается.

— Помочь? — Она кивает на палки.

— Было бы неплохо. — Он поправляет охапку и ставит ее на пол у двери. — Это для табличек.

---

¹ «Харрингтон» — легкая куртка с эластичной резинкой на поясе. Обычно шьется из хлопковой ткани, а подкладка — из шотландской шерсти, спереди застегивается на молнию. Свое название куртка получила благодаря Родни Харрингтону, персонажу сериала «Пейтон-Плейс» 1960-х гг.

На майке пятно — кажется, от пролитого вчера «Миллера». Интересно, чувствует ли Брайан Ши запах?

— Каких табличек?

— На митинг. Тим скоро за ними забежит.

Мэри Пэт убирает палки в подставку, где сучает одинокий зонт со сломанной спицей.

— Все будет, значит?

— В пятницу. Пойдем прямо на площадь перед мэрией. Пошумим, как и обещали. Только нужно собрать весь район.

— Обязательно. Я буду.

Брайан вручает ей стопку листовок.

— Вот эти нужно раздать сегодня до полудня. Ну, пока совсем пекло не началось. — Ребром ладони он утирает пот, струящийся по гладкой щеке. — Хотя оно, наверное, уже.

Мэри Пэт смотрит на верхнюю бумажку:

!!!!!!!! БОСТОН АТАКОВАН СУДОМ!!!!!!!!
В ПЯТНИЦУ 30 АВГУСТА ВЫХОДИ
ВМЕСТЕ С ОБЕСПОКОЕННЫМИ
РОДИТЕЛЯМИ И ГОРДЫМИ
ГРАЖДАНАМИ ЮЖНОГО БОСТОНА
НА МИТИНГ ПЕРЕД МЭРИЕЙ!
ПОЛОЖИМ КОНЕЦ
СУДЕБНОМУ ПРОИЗВОЛУ!

РОВНО В ПОЛДЕНЬ!
НИКАКОГО БАСИНГА!
НИКОГДА!
МЫ НЕ ДОПУСТИМ!

— У каждого свой участок. Тебе нужно охватить... Так, ща. — Брайан сует руку под куртку и достает список. — Мерсер от Восьмой до Дорчестер-стрит плюс Телеграф-стрит до парка. Ну и всё, что вокруг парка.

— Нехило так адресков.

— Это ради Большого Дела, Мэри Пэт.

Обычно, когда парни Батлера чего-то просят, подразумевается, что взамен ты получаешь их «крышу». В лоб, конечно, этого никогда не говорят, придумывая тот или иной благородный повод: помощь ирландским повстанцам, голодающим детям у черта на рогах, семьям ветеранов... Наверное, какие-то деньги и правда идут на эти нужды. Однако борьба с басингом — по крайней мере, пока — выглядит вполне искренней. Как будто и правда Большое Дело. Хотя бы потому, что до сих пор с жильцов Коммонуэлса никто не взял и цента. Знай выполняй поручения, и всё.

— Тогда, конечно, с радостью, — говорит Мэри Пэт. — Ладно, шучу.

Брайан устало вздыхает:

— Шутников развелось — каждый первый. Живот надорвешь... Рад был видеть, Мэри Пэт. Надеюсь, свет скоро дадут.

Козырнув на прощанье в воздухе, он уходит по зеленому коридору.

— Эй, Брайан, погоди!

Он останавливается и оглядывается.

— А что будет после протеста?.. Ну, не знаю, если не поможет?

Он пожимает плечами:

— Поглядим.

«Почему бы просто не взять и не пристрелить судью? — думает Мэри Пэт. — Вы, мать вашу, парни Батлера. Мы платим вам за “крышу”, вот и прикройте нас! Защитите наших детей. Прекратите это».

А вслух говорит:

— Спасибо, Брайан. Передавай привет Донне.

— И ты от меня Кенни. — Он снова козыряет, но вдруг спохватывается, видимо, вспомнив последние сплетни, и виновато бормочет: — Ну то есть в смысле...

— Передам, — коротко бросает Мэри Пэт, прекращая его мучения и разговор.

Брайан неловко улыбается и уходит.

Она закрывает дверь и, обернувшись, видит за кухонным столом Джулз. Дочь курит из ее пачки.

— Свет, блин, что ли, вырубил? — спрашивает она.

— Ага, и тебе доброе утро, — отвечает Мэри Пэт. — «Доброе утро, мам». Или язык отсохнет?

— Доброе утро, мам. — Улыбка у Джулз одновременно теплая, как солнце, и холодная, как луна. — Мне нужно в душ.

— Так иди.

— Вода же ледяная.

— На улице уже под девяносто.

Мэри Пэт отбирает у дочери свою пачку тонких. Джулз, закатив глаза, затягивается и долго выдыхает дым в потолок.

— Чего он приходил?

— Кто, Брайан?

— Ага.

— Откуда ты знаешь Брайана Ши? — Мэри
Пэт закуривает вторую сигарету за день.

— Ну ма-а, — раздраженно протягивает
Джулз. — У нас на районе все «знают» Брайана
Ши. Откуда еще мне его знать?.. Так чего он хо-
тел?

— Звал на шествие. На митинг. В пятницу.

— Бесплезняк. — За притворным безразли-
чием Джулз чувствуется страх, от которого в гла-
зах вечно влага, а под ними — темные круги.

Все-таки дочка красавица. Всегда была. А те-
перь явно стареет — всего-то в семнадцать лет!
Причин, конечно, хоть отбавляй: тут тебе и жизнь
в Коммонуэлсе (из таких мест редко выходят
топ-модели и королевы красоты — неважно, ка-
кими прелестными малышками они были), и по-
теря брата, и уход отчима, причем как раз в тот
момент, когда уже верилось, что он с ними навсег-
да, и, наконец, навязанный государством перевод
в новую школу, да притом в районе, куда белым
после заката соваться небезопасно. И все это не
считая семнадцатилетия — возраста, когда влипа-
ешь хрен пойми во что со своими придурочными
друзьями.

Мэри Пэт в курсе, что сегодня молодежь
поголовно торчит на марихуане и кислоте. Ну
и пьянствует, куда без этого. В Южке¹ дети,

---

¹ По-английски это район Бостона называется Саути
(Southie).